

У семьи Бай был собственный старый дом в пригороде, не слишком большой, но достаточно роскошный. Когда Бай Линшэн вошёл с Бай Сяоли на руках, в доме горел свет, и Бай Цзинцзэ с Бай Цили только что закончили ужин. Они вдвоём выглядели как незваные гости, нарушившие привычную атмосферу.

Сидящий во главе стола Бай Цили недовольно посмотрел на них и строго спросил:

— Разве вы не выписались давно? Почему только теперь вернулись?

Бай Линшэн собирался сразу подняться наверх, но, услышав это, остановился и с удивлением взглянул на отца:

— А, так вы знали, что я сегодня выписался?

— Ты мой сын, конечно, я знаю.

Бай Цили не мог не заметить обиду в сердце второго сына, но, учитывая, что тот только что выписался из больницы, не стал его упрекать и даже неожиданно объяснил:

— Я был занят в последнее время, поэтому не смог навестить тебя. Как самочувствие?

— Нормально.

Бай Линшэн, конечно, не поверил этим словам, мысленно посмеиваясь.

Бай Цили смягчился:

— Через несколько дней будет банкет, я познакомлю тебя с людьми, подготовься как следует.

Бай Линшэн отпустил Бай Сяоли наверх, а сам, обернувшись, с лёгкой иронией сказал:

— Познакомить? Чтобы сказать другим, что это мой сын, которого я собираюсь продать Ли Цзяню ради денег?

Бай Цили в ярости ударил по столу:

— Ты забыл, что я тебе говорил?! Что в Ли Цзяне тебя не устраивает? Ты будешь жить в роскоши! Домашнее насилие, домашнее насилие — ты только слушаешь, что говорят другие. Ты мужчина, сколько ты можешь потерять?!

— Если это так хорошо, почему бы старшему брату не пойти?

Эта лёгкая фраза Бай Линшэна резко оборвала крик Бай Цили. Он словно петух, которого схватили за горло, и вены на шее вздулись. Слова Бай Линшэна попали в самое слабое место: почему Бай Цзинцзэ мог унаследовать семейный бизнес, а Бай Линшэн должен был стать разменной монетой ради денег?

— Ты учился не на бизнесмена, а Цзинцзэ уже работает в моей компании, это неизбежно, — сухо объяснил Бай Цили.

Бай Линшэн холодно взглянул на него:

— Есть ещё Сяоли. Ты ещё молод, когда Сяоли вырастет, он тоже сможет унаследовать бизнес.

— Ты обвиняешь меня, своего отца, в том, что я толкаю тебя в пропасть? Так твоя мать учила тебя говорить со мной?! — Бай Цили, загнанный в угол морали, окончательно разозлился.

Бай Цзинцзэ холодно произнёс:

— Ли Цзянь выбрал тебя, иначе я бы пошёл вместо тебя.

— Это невозможно, ты слишком уродлив, — вдруг улыбнулся Бай Линшэн, не обращая внимания на меняющийся в цвете лицо Бай Цзинцзэ, и поднялся наверх.

Эти двое своими словами довели Бай Линшэна до крайнего раздражения. Если он ничего не сделает, это будет несправедливо по отношению к его второму рождению.

Проснувшись поздно утром, Бай Линшэн встал с постели и вместе с Бай Сяоли отправился в санаторий, где находилась Е Шэн. Когда настоящий Бай Линшэн был жив, он обязательно навещал её раз в неделю. Теперь же, после его смерти, Ци Чжань, занявший его место, должен был убедиться, что с ней всё в порядке.

Бай Сяоли, зная, что они идут к маме, был в восторге. По пути братья купили цветы и фрукты.

Санаторий находился в ещё более отдалённом пригороде, окружённый полями и деревнями, но с чистым воздухом. Когда Бай Линшэн приехал, Е Шэн сидела в саду, наслаждаясь солнцем. Вдалеке виднелась худенькая фигура в инвалидном кресле, неподвижно смотрящая вдаль, с безразличным выражением лица, словно погружённая в свои мысли.

— Мама! — позвал Бай Сяоли, подбегая к ней.

Услышав голос, Е Шэн обернулась, и, увидев сына, её лицо словно ожило, как капля туши, падающая в воду и превращающаяся в цветок. Она улыбнулась, глаза наполнились теплом, и лишь лёгкие морщинки в уголках глаз говорили о прожитых годах.

— Сяоли, хороший мальчик, — Е Шэн протянула руки, обнимая подбежавшего Бай Сяоли, а затем подняла взгляд на Бай Линшэна. — Линшэн тоже пришёл.

— Мама, — Бай Линшэн передал ей цветы, на лице читалось лёгкое раскаяние.

Хотя по сути он не был сыном Е Шэн, её улыбка напомнила ему его собственную мать, поэтому это «мама» было искренним.

— Я не навещал тебя на прошлой неделе, ты не сердишься?

— Конечно нет, мой Линшэн самый заботливый, — Е Шэн говорила тихо, так как её здоровье было слабым. Она внимательно осмотрела Бай Линшэна. — Вы с братом, кажется, похудели, вы плохо ели дома?

— Просто в последнее время нет аппетита, а мы с Сяоли каждый день занимаемся спортом, тело стало крепче, — Бай Линшэн улыбнулся, сжимая руку, но внутри вздохнул с облегчением.

Похоже, никто не рассказал Е Шэн о Ли Цзяне, иначе это стало бы ещё одной проблемой.

— Занимайтесь спортом, но ешьте больше, понятно? — Е Шэн мягко посмотрела на него. — Мальчики должны быть крепкими. Я сама всегда была слаба здоровьем. В следующий раз, прежде чем приехать, позвони мне, я приготовлю твоё любимое блюдо — тушёную свинину.

Даже самый твёрдый металл со временем становится податливым. Бай Линшэн смотрел на Е Шэн и, хотя знал, что её слова были адресованы настоящему сыну, чувствовал тепло в сердце, сразу соглашаясь.

Увидев, что сын так послушен, Е Шэн улыбнулась, и её лицо стало выглядеть лучше. Бай Линшэн продолжил рассказывать ей о новостях из мира шоу-бизнеса, которые не доходили до неё, но он знал их хорошо.

Перед уходом Е Шэн ещё раз напомнила Бай Линшэну о многих вещах, и он с улыбкой соглашался, но, повернувшись, его лицо стало холодным. Он нашёл медсестру в санатории и сказал:

— Если кто-то придёт к госпоже Бай в 102-ю комнату, позвоните мне.

Бай Линшэн твёрдо решил порвать с Бай Ци и его окружением, и это обещало быть грандиозной битвой. История с Ли Цзянем тоже беспокоила его, поэтому он не хотел, чтобы Е Шэн знала об этом, чтобы не расстраивать её здоровье.

Мозг Бай Линшэна работал быстро, с момента вчерашнего дня он не переставал думать. Долгосрочные планы требовали времени, но краткосрочные решения можно было принять быстрее, поэтому по дороге домой он зашёл в специализированный магазин и купил кое-что. Вернувшись, он закрыл дверь и начал работать.

Семья Бай и семья Е — это были не самые простые люди, поэтому прежний Бай Линшэн вынужден был терпеть, выживая в тесноте. Но теперь в теле Бай Линшэна жил Ци Чжань, и ему не нравилась такая жизнь, он не хотел пассивно защищаться, поэтому решил подготовиться заранее.

Даже в шоу-бизнесе мало кто осмеливался трогать Ци Чжаня. Этот человек был хитрым, жестоким и мстительным, но, несмотря на это, все отзывы в интернете и СМИ хвалили его, говоря, что он обладал прекрасной внешностью, хорошим характером и был вежливым.

Многие даже называли его последней совестью шоу-бизнеса.

Совесть? Его друзья-знаменитости, которые хвалили его перед журналистами, плакали в туалете. Ци Чжаня звали «Девять тысяч лет», даже крысы боялись его, как они могли не говорить о нём хорошо?

Если бы Ци Чжань был жив, они не сомневались, что он стал бы звездой мирового масштаба. Поэтому его смерть принесла облегчение некоторым, ведь жить под постоянным давлением было нелегко.

Но тело «девятитысячелетнего» исчезло, а дух остался.

Бай Линшэн сидел за письменным столом, сосредоточенно работая над своими инструментами: паяльник, лупа, медные провода, электронные платы, множество знакомых и незнакомых предметов. У Ци Чжаня было мало родственников, и когда его родители умерли, Пэй Янь как раз уехал за границу. Не на кого было положиться, поэтому он временно жил с дальним родственником.

Этот родственник был одиноким мужчиной, ведущим довольно жалкое существование, работая в маленькой мастерской, где он и жил. Ци Чжань помогал ему, проводя дни в борьбе с электронными платами и компьютерными программами. Родственник говорил ему:

— У тебя есть талант, цифры станут твоими лучшими друзьями.

Позже он узнал, что вещи, производимые в этой мастерской, обычно не продавались на рынке.

Чёрный рынок — это удивительное место.

<http://bllate.org/book/16590/1515983>